Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Доминик Фернандес – в защиту советского романа

12.04.2023.

Photo © J.F. Paga/Grasset

Французский писатель, профессор, член Французской академии, лауреат премии Медичи и Гонкуровской премии с высоты своих 93 лет решил привлечь внимание общественности к пласту литературы, который он сам называет «континентом, ждущим своего открытия». Интервью получилось большое, так ведь и тема – глыба.

В интернете сохранилась уникальная фотография: коленопреклоненная элегантная дама целует руку грузному мужчине самой советской наружности. Знатоки, внимательно приглядевшись, распознают в даме великую Марлен Дитрих. А вот мужчину, да ещё снятого сбоку, почти со спины, вряд ли кто-то узнает. А ведь это – Константин Паустовский, один из самых популярных авторов в СССР. Но только в СССР, поскольку за рубежом его не издавали, переводов не было. Лишь однажды ценившая хорошую литературу Марлен Дитрих случайно прочитала практически

единственный переведенный на английский язык рассказ Паустовского «Телеграмма». Рассказ этот настолько запал ей в душу, что, приехав в СССР в 1964 году, она первым делом попросила о встрече с автором. Паустовскому было тогда уже за 70, он восстанавливался дома после инфаркта, но приглашение принял, и прямо на сцене Центрального дома литераторов состоялась их историческая встреча.

Константин Паустовский – один из тех советских писателей, «встречу» с которыми организовал для своих читателей наш сегодняшний гость.

Марлен Дитрих и Константин Паустовский, Москва, ЦДЛ, 1964 г.(DR)

Нашему собеседнику 93 года. Его жизнь сама как роман. Он сын преподавательницы литературы Лилиан Шометт и дипломата и писателя Рамона Фернандеса – мексиканца по происхождению, в 1919 году получившего французское гражданство. В годы Второй мировой войны Рамон Фернандес был коллаборационистом, что не помешало ему фигурировать

среди героев романа Маргерит Дюрас «Любовник», а Доминику Фернандесу – назвать в его честь собственного сына, говорить о нем в речи на церемонии посвящения в академики в 2007 году (в той же знаменательной речи он идентифицировал себя как первого откровенного гея среди академиков) и издать сборник его статей о литературе под общим названием «Рамон» в 2009-м.

Доминик Фернандес неоднократно бывал в России. В 15-летнем возрасте прочитав за три дня и три ночи «Войну и мир», он навсегда сохранил интерес к русской культуре, которой посвятил несколько книг: «Дети Гоголя» *(*«Les Enfants de Gogol», Paris, Grasset, 1971, переиздание 2003 г.), эссе «Эйзенштейн» (1975 г. перевод на русский в 1996 году), «Красная площадь» («Place Rouge», Grasset, 2008), « С Толстым» (« Avec Tolstoï, Grasset, 2010), к столетию со дня смерти великого русского писателя.

И вот в 2021 году, в разгар пандемии коронавируса, когда, за отсутствием иных развлечений, люди (некоторые) снова потянулись к книгам, он решил составить практически антологию романа советской эпохи, вернув к жизни многих несправедливо, на его взгляд, забытых писателей – забытых не только на Западе, но и в России. В ответ на всеобщее недоумение – нашел, мол, тему и время, – он цитирует Ромена Роллана, говорившего во время Второй мировой войны, что немцы не заставят нас отказаться от Гёте. Благодаря парижскому издательству Grasset увидел свет объемистый том под названием «Советский роман, континент, ждущий своего открытия».

О нем мы и поговорили с Домиником Фернандесом, восхитившись ясным умом и твердой памятью собеседника.

Господин Фернандес, Ваш интерес к России хорошо известен, и Вы подробно рассказываете в книге, откуда он произрос. Не удивляет ли Вас, что Ваша книга о Льве Толстом не вышла на русском языке, зато была переведена книга о Пьере Паоло Пазолини – в 2022 году, в издательстве «Глагол», известном своей провокативной в тематическом отношении линией: именно благодаря ему русскоязычный читатель впервые получил доступ, в частности, к «Комнате Джованни» Джеймса Болдуина и «Голому завтраку» Уильяма Берроуза?

К сожалению, от меня, как автора, эти вопросы не зависят, все решают издатели. Но у меня были и остаются прекрасные отношения с хранителями Ясной Поляны, от которых, увы, издание книги также не зависит.

«Заполнение белых пятен в истории», в том числе и в истории литературы, тема не только важная, но и в наше время модная. Уверена, что не дань моде подвигнула Вас на книгу о советской литературе, а, как мне кажется, стремление восстановить справедливость. Почему Вы сочли это необходимым?

Вы совершенно правы. Во Франции, после падения коммунистического режима в России, вся предшествующая эпоха была полностью дискредитирована. Утвердилось мнение, что, все написанное в те годы, писалось по приказу Сталина. Что, разумеется, не так. Люди путают понятия «советский» и «сталинский», отсюда и рождаются досадные ошибки. Конечно, были писатели-сталинисты – я о них не пишу.

Но были и другие, те, кто могли публиковаться, и даже большими тиражами. Кто-то был против Сталина, кто-то нет, но все оставались «советскими писателями». Среди них были большие таланты! Многие умудрялись завуалированно критиковать режим, используя жанр научной фантастики, сатиры. В течение определенного периода это допускалось, народ обожал Зощенко, Ильфа и Петрова. Были и такие, кто старались оставаться вне политики – как Алексей Толстой или Паустовский, прекрасные писатели. Но, как Вы знаете, многие из писателей той поры плохо кончили, если можно так выразиться.

Скажите честно: Вы прочитали все книги, о которых рассказываете?

Да! 700 романов. Все, что переведено на французский, я прочел. В самом начале моей карьеры литературного критика, в 1955 году, я начал писать о советской литературе: об Эренбурге, Вере Пановой, Константине Симонове, Сергее Антонове… Я всегда любил русскую культуру и продолжаю любить.

Вы посвятили Вашу книгу двум Игорям Демидовым – отцу и сыну. Отец, князь Демидов, был российским политиком, а после эмиграции в Париж в 1920 году подрабатывал иллюстратором. Его младший сын, Игорь, долгие годы возглавлял в Париже «Русский Красный Крест». Почему среди огромного количества Ваших знакомых, в том числе и русских, Вы выбрали именно их?

Потому что эта семья, жившая крайне скромно, открыла передо мной двери своего дома с такой щедростью, с таким гостеприимством, каких я не видывал во Франции. Именно они познакомили меня с русским образом жизни, с русской литературой, влюбили меня в нее. Для меня это было счастьем. Я даже начал учить русский, но это оказалось слишком сложно.

Как Вы знаете, отношение к эмигрантам в России всегда было неоднозначным. Эмигрантов первой волны, или белых эмигрантов, к которым принадлежал и Демидов-отец, на протяжении всего советского периода считали предателями. Но когда я жила в Париже в 1990-е, то с удивлением наблюдала, как бывшие графы и князья, носители громких русских фамилий, собирались на светские рауты в совсем еще недавно советском, ставшим российским посольстве, где их принимали с распростертыми объятиями. Сейчас в России снова произошло деление на своих и чужих, на патриотов и иноагентов. Измена – страшное преступление во все времена, недаром Данте поместил изменников в самую глубь ада, даже ниже убийц. Что означает для Вас понятие «измена родине»?

Это очень сложный вопрос, ответ на который частично зависит от обстоятельств. В случае русских эмигрантов первой волны, так называемых «белых русских», например, я не считаю их изменниками родины. Они просто хотели выжить, избежать расправы. Три брата княгини Демидовой, мамы моего приятеля Игоря, были расстреляны во время революции. Ей удалось бежать. Она спаслась.

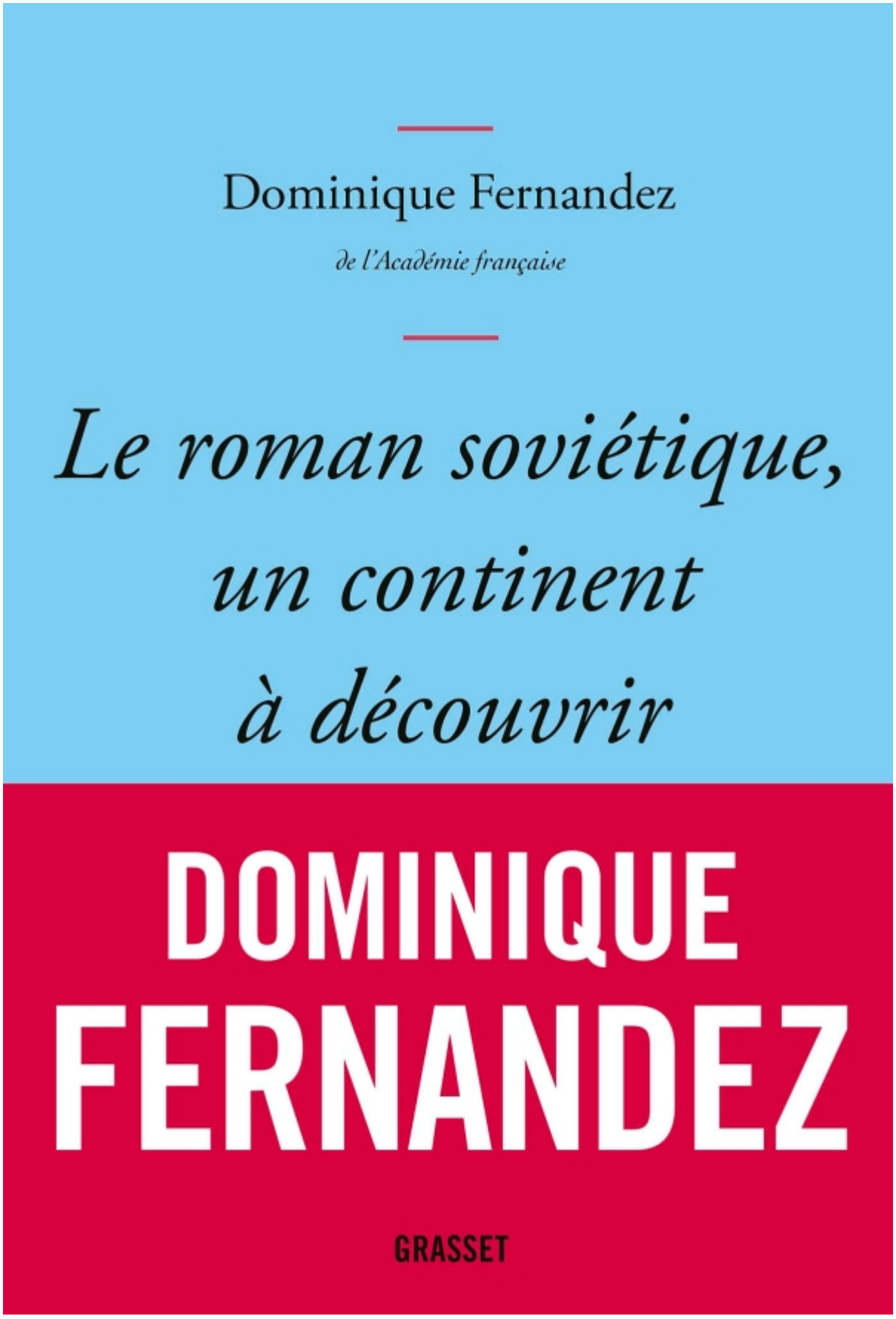
Многие из русских и советских писателей, о которых Вы пишете, были замучены, морально и/или физически, советским режимом, однако их гигантские портреты гордо несли загримированные под них участники церемонии закрытия Олимпийских игр в Сочи в 2014 году: Лев

Толстой, Фёдор Достоевский, Иван Тургенев, Александр Пушкин, Николай Гоголь, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Александр Солженицын, Антон Чехов, Николай Гумилёв, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Михаил Булгаков, Сергей Есенин, Александр Блок, Иосиф Бродский. Вокруг них танцевали их персонажи и 96 библиотекарей. Все это происходило под музыку вальса Арама Хачатуряна к пьесе Михаила Лермонтова «Маскарад», что выглядело настоящей издевкой. Как Вы это прокомментируете?

Я не видел эту церемонию, и не знаю, как бы реагировал на нее. Я понимаю, что Вы хотите сказать, но мне бы не хотелось говорить о политике. Да и режимы меняются. В своей книге я говорил о том, что надо уметь читать книги, написанные при советском режиме, оставляя в стороне политический контекст. Во Франции, например, мы читаем Паскаля, не думая о его схватках с янсенистами. Расин был камердинером Людовика XIV, но разве это имеет значение, когда мы читаем «Андромаху» и «Федру»? Нет, нас поражает литературный гений.

Не секрет, что Ваш отец во время Второй мировой войны был коллаборационистом. Вы не только этого не скрываете, но говорили о нем в своей речи во Французской академии в 2007 году, издали сборник его статей о литературе «Рамон» в 2009-м. Вы писали, в частности: «Я ищу объяснения для самого себя, ставя себя на его место, как этот человек, один из самых ярких интеллектуалов своего времени, мог быть социалистом в возрасте 21 года (1925), фашистом в 43 года (1937), наконец коллаборационистом в 46 лет (1940).» Удалось ли Вам найти это объяснение? Всегда ли «объяснить» означает понять, оправдать, простить?

Да, он действительно был предателем Франции. И я так и не смог найти этому объяснения, это остается для меня загадкой. Он практически покончил с собой, осознав, какую страшную ошибку совершил. Люди подчас противоречивы, и противоречия эти не поддаются объяснению.

Не секрет, что Вы не раз выступали в защиту Владимира Путина во Французской академии, причем даже после 2014 года. В результате журнал L'Obs прозвал Вас вместе с Эллен Каррер д'Анкосс и Андреем Макиным «Кремлевской академией». Как Вы это прокомментируете?

Это возмутительно! И сам журнал, и статья отвратительны. Они написали, что мадам Каррер д’Анкосс пригласила Путина посетить Академию и даже опубликовали фотографию. Но забыли указать, что это не она, а Жак Ширак, в 2006 году, в бытность свою президентом Франции, наградил Путина Большим крестом Орденом почетного легиона – тогда Путин считался уважаемым главой государства – и пригласил его посетить Академию. Так что эта статья – фальсификация истории.

То есть надо понимать, что Ваше отношение к Путину и к Россию изменилось после начала войны?

Ну разумеется, совершенно изменилось! Я считаю происходящее кошмаром, даже если украинцы тоже не без «пятен».

Взялись ли бы Вы за книгу о советском романе после 24 февраля 2022 года?

Знаете, к этой книге я шел 60 лет, и то, что она вышла сейчас – чистая случайность. Но я рад, что так получилось, ведь точно так же, как нельзя смешивать всех русских со Сталиным, нельзя смешивать их и с Путиным. А это, увы, происходит. Меня возмущают попытки запретить русскую литературу, оперу.

Как объяснить обывателю разницу между «советским периодом» в истории России, имеющим четкие временные границы, и «советским менталитетом», демонстрирующим удивительную живучесть? Почему россияне не воспользовались свободой, пришедшей с Михаилом Горбачевым, и вернулись в прошлое?

Россия всегда существовала под властью тиранов, сменявших друг друга. Она никогда не была свободной, никогда не была демократией. Возможно, когда-нибудь это произойдет, но на это потребуется время, несколько поколений. Смотрите, что произошло во Франции. Случалась революция 1789 года, взятие Бастилии и так далее. Но за ней последовал период реакции, затем Наполеон, Карл X, Луи-Филипп, Наполеон III – все они были тиранами. Потребовалось почти сто лет для установления демократии. И это во Франции, буржуазной стране, социально более развитой тогда, чем Россия.

Вы очень интересно рассуждаете о праве писателя на иное мнение, «неправильность» которого, с чьей-то точки зрения, не отрицает талант. И пишете, что в современной литературе не хватает социально значимых сюжетов, при том, что столько выходит книг об экологических проблемах, о проблемах разнообразных меньшинств, о проблемах памяти. Чего Вам не хватает?

Понимаете, я восхищаюсь советской литературой потому, что даже в средних качеством романах была социальная составляющая, пусть и с пропагандистской целью. Читатель всегда узнавал что-то о строительстве заводов, магистралей, плотин. Это было захватывающе! В современной французской литературе читатели изучают в основном самих себя, свои пупки, так сказать. Конечно, встречаются исключения, но в целом это так.

Вы пишете, что «творческий человек является частью своей эпохи и в то же время вырывается из нее». Именно за оторванность от эпохи ругали, в частности, «Доктора Живаго» Бориса Пастернака, но эта книга пережила

многие из тех, о которых Вы как раз и пишете, авторы которых шли в ногу со временем. Значит, Пастернак был все же прав?

Конечно, он был прав! Читая «Доктора Живаго», забываешь, в каком контексте он писался. Это роман о любви, о смерти, о вечных темах. Вы же помните, что Виргилий написал «Энеиду», гениальное свое произведение, на заказ, с целью прославления императора Октавиана Августа. Ну и что? Восхваление правителей – не новое явление в литературе.

В литературе, как и в природе происходит естественный отбор: кто-то выживает, кто-то нет. Нужно ли идти против природы? Может, и не страшно, если никому не придет сегодня в голову роман Федора Гладкова «Цемент», изданный в 1925 году миллионным тиражом, или «Разгром» (La Défaite) Александра Фадеева, издававшийся 255 раз (!) – общий тираж превысил 16 млн?

Скажу так: в случае Гладкова нет, не страшно. Но исчезли, увы, и другие, очень достойные писатели, например, уже упоминавшиеся Паустовский или Алексей Толстой. И их стоит реабилитировать, переиздавать. Во Франции тоже наблюдается подобное, некоторые авторы просто пропадают с горизонта. Когда-то французы зачитывались романами Понсон ди Терайя, а теперь его вообще никто не помнит.

Золотой век русской литературы пришелся на, в массе своей, неграмотное население, Серебряный – на население, учившееся читать и писать, но раздираемое революцией и гражданской войной. Борис Лавренев, о котором Вы также пишете, сокрушался о невежестве народной культуры, однако многие из тех, кто отправлялись в лагеря, брали с собой томик Пушкина. А среди них были не только представители интеллигенции. Трудно представить себе томик стихов в рюкзаке тех, кто отправляется сегодня воевать против украинцев, Вам не кажется?

Этого я знать, конечно, не могу. Зато точно знаю, что во время Великой Отечественной войны многие солдаты просили прислать им книги, в том числе и книги стихов. Бывая в России в 1980-х, 1990-х годах, я всегда удивлялся тому, как хорошо молодежь знает поэзию, причем поэзию сложную, не только Пушкина, но и Мандельштама, Ахматову. У вас особые отношения с поэзией. Во Франции я такого не наблюдал.

Нельзя не улыбнуться, читая Ваше рассуждение о том, как редко писатели и вообще творческие люди доброжелательны друг к другу. И ведь даже гении не исключение: Лев Толстой выступал против Бетховена не менее яростно, чем Жданов против Прокофьева. Что с этим делать?

Ничего. Даже гении имеют право на собственное мнение, на собственный вкус. Флобер называл книги Стендаля галиматьей. Но, в отличие от многих лицемеров, Толстой открыто выражал свое мнение, и за это я его еще больше ценю. Он не любил не только Бетховена, но и Вагнера и Шекспира, считая, что все его сюжеты слишком «преувеличены». Только человек, обладающий внутренней свободой, может себе такое позволить.

Ваша книга – о советском романе, но с вкраплениями в литературу и музыки, и живописи советского периода, что позволяет еще лучше представить себе

атмосферу того времени. Меня очень заинтересовала Ваша мысль о том, что относительная слабость произведений талантливых авторов – будь то Борис Пильняк, Дмитрий Шостакович или Александр Фадеев – произведений, написанных по заказу государства, можно считать своеобразной формой их сопротивления цензорам, формой протеста. Вы действительно так думаете?

Да, конечно. Это особенно касается музыки, Шостаковича и Прокофьева. Их музыка, написанная на заказ, для прославления Сталина, слишком слаба, чтобы поверить в ее истинность. И да, я считаю такое неиспользование собственного таланта формой сопротивления.

Очень интересны Ваши рассуждения о тех, кого Вы, пользуясь выражением Макиавелли, называете «обезоруженными пророками»: Луначарском, Троцком, Короленко, Луи Арагоне: «слишком проницательных, чтобы быть понятыми своими уродившимися близорукими современниками, и чтобы оказывать на них влияние». Видите ли Вы подобных «пророков» сегодня?

Нет, хотя они наверняка существуют.

Многие из тех авторов, кто поначалу поддержал советскую власть, если не оказались раздавленными ею, то не вынесли пережитого разочарования и покончили с собой. Даже Фадеев, властью обласканный, не перенес разоблачения преступлений Сталина и в 1956 году пустил себе пулю в лоб, оставив не допускающую двойного толкования предсмертную записку, которую Вы цитируете. Но были и те, кто, как Василий Гроссман, нашли в себе силы не только осознать свои ошибки, но и продолжать творить, говорить правду, преобразившись из «винтиков» режима в его обличителей. Думаете ли Вы, что подобные прозрения возможны среди тех деятелей российской культуры, которые сейчас активно поддерживают войну против Украины?

К сожалению, я не слишком в курсе современной российской литературы, поэтому не могу ответить на этот вопрос.

После Октябрьской революции именно русская интеллигенция в эмиграции оставалась хранительницей классического русского языка, организовывая курсы по его изучению, издавая газеты, альманахи, книги. Однако сейчас мне известны уже несколько случаев русскоязычных авторов, оказавшихся в эмиграции и отказывающихся от русского языка. Возможно, это временное явление, но все же. Понимаете ли Вы их?

Мне кажется, они не правы, поскольку таким образом они также смешивают русскую культуру с политикой Путина. Нельзя из-за одного Путина выбросить всю русскую культуру, русский язык! Мне кажется, нужно, наоборот, писать по-русски, спасая их для будущего, ведь это настоящие сокровища!

Каким видится Вам будущее России?

Война обязательно закончится, надеюсь, это произойдет как можно скорее. Не знаю, изменится ли Россия. Для этого должны измениться нравы, менталитет. Россия пережила Сталина, переживет и Путина. Я очень хочу в это верить!

То есть Вы верите, что после Средневековья наступит Возрождение?

Да! И искренне желаю этого всем моим русским друзьям, которых очень люблю.

[советская литература во французских переводах]

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/dominik-fernandes-v-zaschitu-sovetskogo-romana